

АЛЕКСАНДР ДОРОФЕЕВ

Прыжок назад

Александр Дорофеев

Прыжок назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305109

ISBN 9785449325464

Аннотация

Это было тогда, когда моя любимая учительница обнаружила, что я рождён, чтобы петь, – начал дон Томас, подгребая к себе обеими руками ту память, которая оказалась сегодня неподалёку. – Не помню имя того мальчика, его папу, кого он имел в качестве отца, звали дон Транкилино. Он был начальником почты. На острове появился с тремя чемоданами, и от лица его пахло трагизмом. Все наши подумали, что начальник почты одинок.

Содержание

Между пальмой и морем	6
Газированная вода	13
Три кобылы	19
История доктора Хуана	25
Алуши	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Прыжок назад

Александр Дорофеев

Иллюстратор Александр Дорофеев

© Александр Дорофеев, 2018

© Александр Дорофеев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2546-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Между пальмой и морем

– В моей голове сто сорок песен, – сказал дон Томас Фернандо Диас. – Это те, что со словами. Без слов в моей голове восемьсот песен. Беседа со мной, что отдых на пляже.

Похожий на сушёного морского конька он сидел под пальмой-подростком на белом песке, плавно уходящим в прозрачно-бирюзовую воду.

Близилось время заката. Песок стал бархатным, а море обмирало, поджидая красное солнце. Между ними оставалось не более получаса.

Дон Томас помалкивал весь день, а на закате говорил, глядя на солнце, море, облака, если были, катера и яхты, проходившие мимо и подходившие к небольшому причалу в бухте

Калета – принять или выгрузить водолазов.

Обыкновенно дон Томас обращался к горизонту, за которым, как полагал, остались его годы...

Дон Томас Фернандо Диас прожил на острове Чаак девятью годами, и все они утекли за горизонт, на северо-запад, примерно туда, где солнце погружается в море, откуда в сезон дождей выпирают тугие человекоподобные тучи.

– Это было тогда, когда моя любимая учительница обнаружила, что я рождён, чтобы петь, – начал дон Томас, подгребая к себе обеими руками ту память, которая оказалась сегодня неподалёку. – Не помню имя того мальчика, Его папу, кого он имел в качестве отца, звали дон Транкилино. Он был начальником почты. На острове появился с тремя чемоданами, и от лица его пахло трагизмом. Все наши подумали, что начальник почты одинок.

Но вскоре под присмотром капитана Канту приплыл на шхуне сын дон Транкилино. В пути он упал за борт. Не знаю, по какой причине. Бывают, что люди падают за борт. Вот и сын дон Транкилино поступил также. Лучше сказать, он упал вторым. Первым был матрос, которого тут же искусали и погубили акулы.

Капитан Канту приказал второму матросу достать мальчика. Но второй матрос наотрез отказался. «Уже есть один мёртвый, – сказал второй матрос. – И скоро будет двое. И я не буду делать то, что вы говорите! Это то, что вы мне приказываете, чтобы я прыгнул в море. Это совершенно невоз-

можно! Здесь всё в волнах и заражено акулами, которые съедят не только мальчика, но и меня».

Так второй матрос отказался исполнять приказ. Капитан Канту, ощутив большое бесчестие, снял штаны и рубашу. И вот что сделал – сбросил рубашку и штаны и схватил кусок верёвки. И говорит: «Ты мне не подчиняешься бросаться за борт, но вот в чём ты мне подчинишься – это манёвр, который я прикажу тебе выполнить».

А на шхуне стояло два мотора немецкой национальности, знаменитые «Вольверин». И капитан приказал, какой манёвр делать.

Мальчик тем временем, кажется, начинал понемногу обучаться плавать. Иначе бы он уже утонул, поскольку манёвр был не скор. Лучше сказать, шхуна разворачивалась очень медленно, и мальчик бы должен был утонуть, но упрямо цеплялся за волны.

Капитан прыгнул в море. Капитан Канту. Доплыл до мальчика, обвязал верёвкой и тогда поднял на палубу. Ни капитана, ни мальчика не съела акула. Они, думаю, насытились первым матросом.

Но какова безрассудная смелость капитана Канту! На первой полосе Юкатанской газеты появился портрет капитана. Его наградили дипломом и золотой медалью, которую он прибил к носу своей шхуны. Капитан Канту совершил много славных дел. Но сегодня я говорю о мальчишке, сыне начальника почты дона Транкилино. Некоторое время он хо-

дил вместе с нами в школу. Думаю, что в пятый класс. Мы прозвали его Мистериосо, потому что была тайна в его жизни. Хотя в то время она ещё не проявилась, как следует, мы глядели на него и чуяли таинственность. Мистериосо рассказывал, что акулы заглядывали прямо ему в глаза. Посмотрят и отплывают.

В те годы мой отец посвятил себя пиратству. Можно так сказать. Он не понимал ни слова на языке индейцев майя. Но всегда искал переводчика, какого-нибудь индейца, знавшего испанский. И этот переводчик сопровождал его в путешествиях до Чумпона, по каналу Чунасче, где шли на вёсельной лодке, чтобы высадиться на берегу одной из двух лагун. И оттуда по тропе в гору. Я знал эту дорогу. Мой папа взял меня в одно из своих путешествий. «Познакомишься с Чумпоном, – говорил он. – Чтобы знал, кто там командует». Тогда это был главный город индейцев на Юкатане. Назывался Чумпон.

Помню, я плакал перед моим отцом, чтобы он послал меня в Мериду продолжить учение. Отец приподнял мою голову и сказал, что учение для меня закончено. «Шести классов, – сказал он. – Тебе достаточно. Мне от тебя большой учёности не надо. Ты умеешь читать и считать. Ты будешь хозяином всего, что я тебе оставлю».

Мой папа хотел стать большим другом индейцев. И он торговал с главным индейским хозяином – касике. Возил оружие и менял на чикле, древесную смолу для жевания.

А чикле отправлял американцам. Они полюбили жевать это чикле с утра до вечера. Сорок человек индейцев с грузом чикле шли два дня, добираясь до лагуны Чунасче, где нагружали лодки.

А я вёл счета. Индейцы совершенно не понимали простых вещей: я тебе должен, ты мне должен. «Сначала ты мне заплати, – говорил их касике. – Потом будешь иметь чикле». Индейцы не были дружелюбны. Лучше сказать, они только терпели моего отца, потому что он торговал с ними. Индейцам нравилось огнестрельное оружие.

Однажды начальник почты дон Транкилино со своим сыном и одним приятелем отправился к побережью Юкатана на маленькой барке. Поплыли порыбачить, собрать дровишек или ещё что-то, не знаю.

Именно в тех местах юкатанской сельвы бродили индейцы и выходили также на берег порыбачить. Если встречали белых людей, то просто убивали. Неизвестно, зачем и почему. Вот и обнаружили дон Транкилино, начальника нашей почты, и прямо начали стрелять и убили вместе с его товарищем, Но мальчику Мистериосо простили жизнь, потому что у него с собой была одна книга.

Он имел в то время, наверное, одиннадцать лет, ходил в школу, и эта книга была с рисунками лошадей, кур, собак, кошек и других животных, а также с рассказами. Мальчик, лучше сказать, уже умел читать и писать. Ну, ему уже было одиннадцать, а в школу он пошёл с семи-восьми.

Индейцы были удивлены и поражены. Они увидели эти рисунки, которых раньше никогда не видели. И простили жизнь мальчику Мистериосо. Из-за книги.

Тот, кто командовал индейским войском, один старшина, сказал: «Не будем его убивать, отведём с нами в селение Чумпон». И отвели этого мальчика Мистериосо.

Когда я думаю, что он был свидетелем, как застрелили пулями его отца – это ужасно думать об этом.

Но пока отвели мальчика в Чумпон, научили языку индейцев, а вскоре женили на девушке-метиске. Так у Мистериосо появилось новое индейское имя, новая индейская семья. И он читал вслух хозяину-касике книгу с рисунками животных. Что творилось тогда в душе мальчика Мистериосо, я не могу сказать, не знаю.

Через несколько лет, когда мы приезжали с отцом за чикле, я видел Мистериосо в Чумпоне. Он помогал нам беседовать с касике, но вёл себя как настоящий индеец. К тому же у него уже было четверо детей.

Тогда мне казалось, что Мистериосо должно быть очень несчастлив. Он посмотрел мне прямо в глаза, и я вспомнил, как он переглядывался с акулами. Лучше сказать, думаю я сейчас, индейцы не убили его не только из-за книги с картинками. Наверное, заглянули в глаза. В них было много таинственности.

Он умер на нашем острове Чаак. На могильном камне написано, когда родился, сколько жил в Чумпоне. И ещё:

«Здесь покоится тело, которое в жизни было доном Мистериосо».

– Его жизни можно позавидовать, – вздохнул дон Томас.

Солнце уже совершенно растворилось в море, стемнело, как всегда стремительно, Горизонт исчез. А дон Томас Фернандо Диас не привык рассказывать пустоте.

В ночи он пел. Ста сорока песен со словами хватало до рассвета. А на день оставались песни без слов.

Газированная вода

В сезон дождей трудно ездить на велосипеде. Ветер сбивает и ливень таков, что захлёбываешься. Надёжней вынырнуть под крышей ресторанчика «Ла Чамба».

На острове Чаак все наши надевали жёлтые дождевики с капюшонами. Прошлогодние были умеренного цвета тыквы-калабасы, а новые – чистый лимон.

«Лимонсито, – размышлял дон Томас Фернандо Диас. – Остров калабас и лимонсито. Сеньора Хозефина купила своей голой собачке дождевик, так полицейские задержали, приняв за пьяного подростка».

Дон Томас посиживал за стойкой в «Ла Чамбе». Это было хитрое для ресторана название. В Колумбии и Венесуэле оно

означало канаву или ров. В Эквадоре – пруд. А в Гватемале и на острове Чаак – работу, дело. Все наши так и говорили – пойдём «чамбеар», поработаем. Конечно, это дело нередко завершалось канавой. Большие окна ресторана запотели. Казалось, что ты в пруду. Перед доном Томасом стояла узенькая, как стилет, рюмка выдержанной текилы и блюдо с лимоном и солью. Он выпивал только в сезон дождей, обходясь остальное время лимонадом.

«Не то было раньше, – думал дон Томас Фернандо Диас. – Помню время, когда дожди выпадали газированные. Лучше сказать, похожие на газировку. Не знаю, с чем это было связано. Все наши подставляли вёдра и бочки, набирали воду с шипучими пузырьками. Они, правда, быстро улетучивались, но мы успевали напиться газировки. От неё голова прояснялась.

Ну, конечно, она была без сиропа. Хотя, если хорошо вспомнить, то и от нашей дождевой газировки пахло – в зависимости, откуда ветер. То, бывало, лангостами, то кокосами, то цветами хаккаранды.

В худшем случае навозом с асьенды дона Гало.

Остров цвёл и благоухал после этих ливней. Огромные черепахи откладывали на пляжах тысячи яиц, ласточки достигали размеров фламинго, а креветки без злого умысла переворачивали баркасы.

В центре города построили великую башню с часами. Говорят, в ясные дни сам Фидель Кастро на Кубе сверял своё

время с нашим. Теперь-то башня как-то приземлилась, осела что ли, не знаю.

Наш падре Себастьян из церкви Архангела Мигеля много месяцев провёл на черепичной кровле, держась за крест, а потом объявил добрым прихожанам, что остров осеняет Дух Святой, которому удобно сходить на землю вместе с дождём.

Это было интересно и радостно так думать!

Все наши мокли с утра до вечера. А кто был занят в конторе, выходил помокнуть ночью. О, какое было время! С июля по октябрь никто не просыхал.

После ливней в небе появлялось множество аркоирисов – радуг. Я ещё не умел считать хорошо – останавливался на десяти, но их было куда больше.

Аркоирисы упирались одним концом в наш остров и перекидывались за море, в разные страны. Иные доставали до Соединённых Штатов, Франции и до Инглаторы. Так я сейчас думаю. Но никто из наших не уезжал с острова, осенённого Святым Духом. Кому бы это в голову пришло?!

Лучше сказать, некоторые уезжали, но вскоре возвращались. Так дон Доминго Гарсиа уехал на Юкатан в белый город Мерида. Наверное, он там учился. Потому что вернулся очень, необыкновенно учёным. И сразу начал строить фабрику.

Вообще-то никто не знал, что задумал построить дон Доминго. Он был скрытный человек, этот дон Доминго Гарсиа.

А став учёным, совсем замкнулся.

На барках с Юкатана подвозили железное оборудование – чёрное, тяжёлое, механическое. Было трудно разобраться – что к чему.

Ходили слухи, как я припоминаю, о железной дороге из конца в конец острова – на все семьдесят километров. Наши ребята уже бегали, гудели и пыхтели, как паровозы. Было много споров, какой величины настоящий паровоз, поместится ли на острове, не затопит ли. Лучше сказать, многие опасались.

Но не падре Себастьян. Он говорил, что Мигель-архангел не попустит дурного на наши головы, окроплённые Духом Святым. Падре Себастьян выведал на исповеди у донна Доминго назначение строительства. Так мы впервые узнали о фабрике по производству сладкой газировки.

Все наши обрадовались и стали помогать дону Доминго строить первую фабрику на острове. Дон Доминго Гарсиа дал ей приятное для слуха имя «Услада». Он был очень умный – так я сейчас думаю. Он вывез рецепт сладкой газировки из города Мерида и строил фабрику прямо рядом со своим домом.

Некоторые спрашивали: зачем всё это, дон Доминго? У нас газировка с неба со Святым Духом впридачу. Не хочешь ли ты сделать обман и подлог, заменив вышнее простой сладостью?

Сезон дождей три месяца в году, отвечал дон Доминго,

а остальное время мы тоскуем.

Когда фабрику закончили, целый месяц, так я сейчас думаю, раздавали газировку даром – лимонад, клубничную, банановую, манговую и других вкусов, всё не припомню.

Фабрика дона Доминго была автоматическая. Бутылки ехали рядами на чёрной ленте, наполнялись и закрывались пробками, без помощи рук. В этом была какая-то магия. Казалось, Дух Святой орудует на фабрике и поселяется в бутылках.

Я полюбил сладкую газировку на всю жизнь. Да и все наши пили её с утра до вечера, в любой сезон.

Так дон Доминго Гарсиа прославился на острове Чаак. Его фабрику «Улада» называли освежительной. Это был человек большой сообразительности и ума. Дела у него шли так хорошо, что он открыл три аптеки, причём одна работала круглые сутки. И в ней продавались дождевики с капюшонами. Дон Доминго заказывал их с Канарских островов – европейский товар высокого качества и ярко-жёлтого цвета.

Наши люди перестали мокнуть под дождём. С июля по октябрь остров Чаак желтел и шуршал – то громче, то нежнее, в зависимости от материала дождевиков. Ткань разная, но всегда жёлтая, не могу сказать почему, не знаю.

Я и не заметил, когда кончились газированные ливни. Может быть, где-то в сельве, на окраинах, где ползают питоны и живут мапаче-носухи, выпадают до сих пор. Но в центре острова уже давно дожди без пузырьков. И больше трёх арко-

присов разом не насчитать, хотя я теперь хорошо знаю арифметику.

А люди уезжают с нашего острова, чтобы не возвращаться. Как трое внуков и двое правнуков дона Доминго Гарсиа. Будто бы мало у нас места!?

Лучше сказать, мне горько, что нет уже газированных дождей. Я-то их помню. Но что-то изменилось. Падре Себастьян давно на небе и в земле. Он бы объяснил – что к чему и где отыскать Святого Духа. А я не знаю».

Дон Томас Фернандо Диас допил текилу и куснул лимон. Накинул дождевик, ветхий, полупрозрачный, в котором напоминал он мошку, увязшую в янтарной смоле.

Уличное течение понесло легко – и на педали жать не надо. Лишь плавное движение руля, и дон Томас в кантине «Амиго Марио», где за игрой в кости старики дымят сигарями. Или за сигарой играют в кости.

Деревянный, крепчайших пород, стаканчик-чуррукко трескал по стойке бара, как гром, с раскатами и близкой молнией, что всё же никак не пробивала густые душные облака.

Друг Марио сердечно налил текилы.

Все тут помнят газированные ливни. И ласточек величинной с фламинго. И самую высокую башню с часами. И как на остров Чаак нисходил Дух Святой.

Все помнят, но забыли.

Три кобылы

Каждое утро над островом Чаак поднимают наш флаг – красно-бело-зелёный. В это время дон Томас Фернандо Диас пьёт кофе в прибрежной кондитерской и радуется флагу, огромному, как маисовое поле дона Гало.

По сторонам флага на пирсе сидят два красавца – бронзовые орлы, напоминающие издали борзых. Дон Томас до того гордится флагом и орлами – бандера и агилас! – что кофе возбуждает сверх меры.

– Однажды на острове сдохли три кобылы разом! – говорит дон Томас во внеурочный час, когда на очереди песни без слов.– Это было такое событие! Все наши перепу-

гались и создали специальный комитет по расследованию. Лучше сказать, комиссию во главе с губернатором доном Хоакином. Прибыл ветеринар-криминалист из столицы нашего штата города Четумаль. Предполагали халатный сброс сточных вод, появление ядовитых змей или умышленное отравление – вообще бесчеловечное обращение со скотиной.

Свидетелей опрашивали в прямом эфире на радиостанции «Эль тибурон амабле», то есть «Любезная акула». Как всегда – кто-то чего-то утаивал, и следствие забуксовало. Тогда дон Хоакин вызвал федеральную полицию. Ввели комендантский час, а спиртное продавали только туристам в отелях.

Наших вообще расколоть не просто, разве что если сильно стукнуть. В таком случае выкладывают больше, чем знают. Но что знают точно – всё равно не расскажут.

Однако выяснилось, что трёх покойных кобыл оставил на острове Чаак испанский конкистадор Эрнан Кортес, в начале шестнадцатого века – то ли позабыл, то ли бросил как непригодных кляч.

Дон Гало получил их в наследство. В архиве муниципалитета отыскивали копию завещания, которая раскрыла историческую правду.

В 1735 году прапрадед дона Гало приплыл на остров с целью разведения маиса. Может, он думал, что остров необитаем и хотел завладеть им целиком и полностью. Наверное, его неприятно поразило, так мне сейчас кажется, что на остро-

ве было полно индейцев, которые усердно строили какие-то пирамиды.

Впрочем, индейцы хорошо встретили прапрадеда дона Гало. Предложили жениться и принять участие в строительстве. Они объяснили назначение пирамид. Их заложили в честь новых богов сельвы – крупнее кабана, быстрее ягуара, сильнее крокодила. Лучше сказать, индейцы имели в виду трёх кобыл Эрнана Кортеса.

Прапрадед дона Гало, конечно, не хотел молиться кобылам. Просто выследил их и запряг вспахивать землю под маис. И дела у него пошли очень хорошо в отношении урожаев, как видно из старинных документов. Он успел собрать два невиданных урожая, пока индейцы не опомнились и не убили его, чтобы освободить кобыл от работы и закончить свои пирамиды.

Примерно в то время началась Война Пирожных. Французский флот напал на Веракруз. Эти французы придумали хитрую штуку, обвинив наше правительство в долгах одному пирожнику, выходцу из Нормандии. И вот обстреляли пушками Веракруз. В битве наш генерал Анна потерял одну ногу. Лучше сказать, левую ногу. Её отрезали после попадания ядра. Тогда наши корабли погнались за французскими и оказались у острова Чаак – не знаю, как и почему – у северной оконечности, где и бросили якорь.

Матросы сошли на остров. Они были очень горячо раздосадованы, что упустили французов. И жалели генерала Сан-

та Анну. Когда матросы узнали, чем тут занимаются индейцы, гнев их нашёл выход. Они перебили индейцев, разрушили пирамиды, на месте которых сложили храм Архангела Мигеля, где служил долго падре Себастьян. А кобыл вернули потомкам прапрадеда дона Гало, велев немедленно запрячь для вспашки маисовых полей.

Всё же кое-кому из индейцев удалось спастись и переправиться на Юкатан. Они-то и начали смуту среди соплеменников, так я сейчас думаю. Лучше сказать, сообщили, как белые люди обошлись с их богами и пирамидами. Так в середине девятнадцатого века в селении Тепичла началось восстание индейцев майя, которое обернулось Пятидесятипятилетней войной.

Я как раз родился, когда война закончилась позорным отделением от Мехико в пользу Белиса трёх тысяч квадратных километров земли. Все наши очень переживали за эти километры.

Теперь я думаю, что в истории каждая мелочь, вроде трёх кобыл Эрнана Кортеса, может привести к утрате суверенитета. Или независимости. И ведь невозможно предположить, что за что уцепится и куда потянет.

Каждый на острове Чаак принял близко к сердцу жизнь и смерть трёх древних кобыл. Может быть, они помнили Христофора Колумба. А Эрнан Кортес кормил их овсом из своих рук.

Ветеринар-криминалист написал статью, где объяснял

долголетие кобыл сменой часовых поясов, климата, пищи и частичным обожествлением. Возможно, предположил он, индейцы давали им плоды гуайявы, вымоченные в живой воде.

Наш губернатор Хоакин издал большую книгу с картинками. Дон Хоакин в стихах рассказывает о трёх кобылах, проживших долгую насыщенную жизнь и умерших от полной дряхлости. Надо признаться, что дон Гало до последних дней пахал на них землю. Даже имена не дал. Просто – первая кобыла, вторая и так далее. Сейчас я думаю, дон Гало устыдился, поскольку все наши осуждали его – за нечуткость и равнодушие.

Когда решили воздвигнуть памятник трём кобылам, он пожертвовал миллион песо. Бронзовых кобыл поставили на пятой авениде, в центре города. Говорят, что именно здесь были когда-то три индейских пирамиды. Хотя, с другой стороны, есть указания, что на месте пирамид стоит храм Архангела Мигеля – не знаю, во что верить.

На одной кобыле сидит сам Эрнан Кортес в доспехах, на другой – наш губернатор дон Хоакин. На третьей, которая поменьше, но преобразована в жеребца, – дон Гало, в сомбреро и с початком кукурузы. С этим, я думаю, можно согласиться. Всё же кобылы были его собственностью и миллион песо.

От памятника кобылам открывается прекрасный вид на пирс, где два орла и наша бандера, как парус над остро-

вом. Это очень приятно смотреть на флаг отечества! Но когда задувает зюйд-ост, я волнуюсь, как бы наш остров Чаак не уплыл в чужие воды. Он очень лёгок, наш остров. Как пёрышко птицы Чаак. Жила здесь такая птица, так я сейчас думаю, – красный клюв, белая грудь, зелёные крылья. Давний ураган Георгина вымел её с острова.

Вот и наш остров, опасаюсь, может уплыть куда-нибудь на север. У нас нет гор, только сельва и домишки. Да громадный трёхцветный парус.

Лучше сказать, наша патрия уже потеряла Техас, Калифорнию, Нью-Мехико и земли на юге до Коста-Рики. Это каждому обидно, если вспомнить и задуматься.

Когда на острове Чаак ставят бронзовые памятники, я радуюсь, потому что они куда тяжелее гипсовых и деревянных. Мне кажется, они, как якоря, удержат наш остров там, где положено.

Дон Томас Фернандо Диас, попив кофе, засыпал за столиком в прибрежной кондитерской. Там было удобно – мягкий диван и вентилятор над головой. Хозяин накрывал дону Томаса пледом, чтобы не озяб, а на столик помещал табличку «Занято». Иначе какой-нибудь пропечённый Карибским солнцем гринго мог усесться, не заметив под пледом, прямо на дону Томаса Фернандо Диаса. Это было бы унижительно для всех наших.

История доктора Хуана

На острове Чаак редко умирают. Хотя есть кладбище за жёлтой стеной. У ворот гипсовый ангел, величиной с овцу, с факелом в руке. Ангел белый, а факел алый.

Под кокосовыми пальмами и пурпурными цветами бугамбилей около сотни могил. Все тут иноземцы – приехали, прожили счастливо, скончались в мире.

Тех, кто родился на острове Чаак, вообще нет на кладбище. Наши не бессмертны, но как-то усыхают, уходят без тленных останков. Вроде испаряются. Исчезают, как пузырьки из газированных ливней.

В пяти кварталах от бронзовых кобыл стоит трёхметровый памятник Камарону, то есть здешней карибской креветке. По словам дона Томаса, это натуральная величина – таких размеров достигали креветки, когда Святой Дух нисходил на остров в сезоны дождей.

Вокруг Камарона шесть пивных. Отсюда начинается дорога, которая ведёт вглубь сельвы и упирается в море на другом, диком, берегу острова. Все наши приезжают на тот берег встречать новогодний рассвет. Солнце каждый раз поднимается из моря, а всё же страшновато – взойдёт ли? Особенно обидно, если взойдёт над Кубой и Колумбией, над Канадой и Японией, а об острове Чаак позабудет.

Дон Томас Фернандо Диас обыкновенно с ночи поджидает солнце нового года. Загодя приезжает на зелёном «Ягуаре» – это у него велосипед с пятью скоростями, тремя колёсами и платформой, на которой помещается пара человек, если нужно подвезти. Такой велосипед называется трицикло.

На диком берегу дон Томас ложится в гамак под пальмовым навесом. Здесь прибой и ветер, потому что открытое море. Почти не слышать, что рассказывает дон Томас Фернандо Диас в трёх часах до восхода.

– На этом берегу много лет назад нашли дону Хуана Андусе. Солнце тогда поднялось в облаках. Лучи тянулись по небу, а острова не касались. Все наши глядели вверх, а потом увидели, как дон Хуан Андусе выходит из моря.

Волны били его в задницу, он спотыкался, падал и протя-

гивал к нам руки, в одной из которых был саквояж. Одет он был как Санта Клаус. Сейчас я думаю, дон Хуан сразу хотел покорить наши сердца образом святого. Что он там делал, в море у дикого берега, – не могу подумать, не знаю.

Тогда он признался, что медик и что из Франции. Оттуда, лучше сказать, пошло его семя.

Этот индивидуум, или персонаже, имел во Франции мадрина-крёстную с деньгами. Его родители тоже имели деньги, и он изучал медицину. Крёстная купила ему билет на галеон, который прибыл из Франции в Веракруз. Дон Хуан Андусе хотел было ехать в Мехико. Но вдруг узнал, что остров Чаак страдает без медицины. Вот что мы вкратце выяснили.

Да, я хорошо помню, как нас тогда терзала жёлтая малярия! И вот дон Хуан Андусе при таком стечении обстоятельств оказался на острове. Почему-то с другой стороны. Как я говорил, для меня это загадка.

Но дело было на восходе нового года и нового позапрошлого века. Недаром же дон Хуан Андусе оделся как Санта Клаус.

Он был молод, так я теперь думаю, и, конечно же, быстро влюбился в девушку из фамилии Ангуло. Женился на ней и завёл с ней семь дочерей.

Вскоре дон Хуан получил известие, что его мадрина в очень тяжёлом состоянии. Лучше сказать, при смерти. И он отправился во Францию оформить наследство, которое состояло из множества денег.

Прошёл не один год. Может быть, пять или шесть. Сеньора Фермина, жена дона Хуана, не знала, что думать – то ли вдова, то ли покинутая с детьми. Все наши склонялись к вдове. Поскольку уже настали времена, когда зародилась почта, и люди, если живы, давали знать о своём положении. А от дона Хуана Андусе не было никаких вестей.

Кузен доньи Фермины дон Мауро Клементе Ангуло, о котором при случае расскажу отдельно, всегда выказывал ей большое сердечное влечение. Вот он и перешёл к открытым поступкам – заходил, чуть ли не каждый день на кофе, дарил девочкам-сеньоритам тувельки, шляпки и ленты, приглашал любоваться закатом.

Они хотели друг друга, так я сейчас думаю. Или, лучше сказать, – желали. Они целыми днями бывало держались за руки. Своей левой рукой дон Мауро пожимал правую руку доньи Фермины.

И как раз в это время вернулся на остров Чаак дон Хуан Андусе. Не знаю, где он пропал. Он объяснил, что лечил крёстную-мadrину и неотлучно находился у её изголовья, в предместьях Парижа. Может быть и так, однако мадринина всё же умерла.

Известно, что дон Хуан вернулся с мешками денег и разделил наследство между дочерьми, они уже были сеньоритами. Вот из них-то и вышла мама капитана дона Клаудио Канту, которую звали Эмилия Андусе. А также вышла мама дона Оскара Кольве, которую звали Анита Андусе. Луч-

ше сказать, все семеро дочерей дона Хуана Андусе положили начало известным и достойным фамилиям нашего острова. Одна из них, Ортензия, стала женой дона Валерио Риверо, человека, который имел в порту Ишкалак шесть огромных плантаций кокосовых пальм. Сначала он был компаньоном своего племянника дона Оскара. Но потом они рассорились. Не знаю, зачем. У дона Валерио осталось большое ранчо в Санта-Рите, где он разводил скот и павлинов. Впрочем, все деньги были от жены его – от Ортензии Андусе, дочери первого медика на нашем острове дона Хуана Андусе.

Сейчас я думаю и вспоминаю, лечил ли кого-нибудь дон Хуан. Кажется, навряд ли. Пока он ездил во Францию, жёлтая лихорадка миновала. А других болезней, кроме утопленников или убитых грозой, не появлялось.

Однажды на футбольном поле молния ударила сразу двух защитников и одного полузащитника. Их тут же закопали в землю, чтобы утекло электричество. Дон Хуан Андусе примчался на велосипеде, в руках у него был шприц. Он хотел немедленно сделать уколы и велел откопать защитников и полузащитника. Уже стемнело от грозы и подступавшей ночи. Уцелевшие игроки перекопали футбольное поле, но никого не нашли. Лучше сказать, под левыми воротами наткнулись на древнее захоронение индейцев майя. А те, кого ударила молния, будто утекли вместе с электричеством, так я сейчас думаю, они растворились без следа.

Вскоре им, конечно, поставили бронзовый памятник

неподалёку от Камарона. Буквально на полпути к Трёх кобылам. Но дон Хуан Андусе затосковал без применения медицины. Говорят, по утрам он просыпался в слезах.

Он выступил с речью в муниципалитете. И вот что сказал: «Если нет очевидных болезней на этом острове, которые есть в остальном нормальном мире, то значит должны быть скрытные, неизвестные, которые не распознать с первого взгляда. Хочу сказать, что здоровые люди не могут жить столько лет, сколько живут на острове Чаак. Это какое-то местное заболевание. Полагаю, душевное. И обещаю бороться с ним всеми доступными медицинскими средствами».

Наши не стали перечить дону Хуану Андусе. Пожалуй, смысл его речи был слишком тёмным. Да и вообще к приезжим, даже к тем, что живут на острове давным-давно, все наши относятся чуть снисходительно, как к детям, которым время от времени приходят в голову глупости, – не спорить же с ними по пустякам.

Однако дон Хуан Андусе взялся за дело и на диком берегу острова заложил каменный двухэтажный дом, прямо на высоком утёсе. И оборудовал его как лечебницу для душевнобольных, на сто коек. Так дон Хуан Андусе построил лечебницу и переселился туда, оставив сеньору Фермину, дочерей, внуков и правнуков, которых уже было немало. Он проводил дни в гамаке, глядя на прибой и поджидая терпеливо пациентов. Но никто не приходил на дикий берег острова. Только раз в неделю сеньора донья Фермина привозила

на мулах продукты. Она плакала, рассказывая о доне Хуане, – он почти не ел, но каждый день совершал обход ста пустых коек. Очень утомлялся, жаловался на буйных и подумывал нанять крепких санитаров из метисов.

«В его глазах, – шептала донья Фермина, – восходит безумие. Не знаю, как его спасти».

Впрочем, и все наши очень беспокоились, что один достойный человек живёт изгоем на диком берегу, где нет общения и цивилизации. Как отшельник. На нашем острове такого прежде не случалось, не принято было. И вот самые видные наши сеньоры собрались делегацией, чтобы поговорить с доном Хуаном Андусе, изменить его мировоззрение. Это приурочили ко дню Независимости, в середине ноября. Так, думалось, будет торжественней и убедительней. «Независимость – это не только внешнее отделение чего-то от кого-то, – сказал тогда, как я припоминаю, губернатор дон Хоакин. – Независимость – это и внутреннее присоединение кого-то к чему-то». Эту мысль позднее выбили на медной дощечке, привинченной к одной из парковых скамеек. Лучше сказать, в нашем парке все скамейки с медными дощечками, на которых слова и мысли самых достойных людей острова Чаак.

Я очень хорошо помню те события, потому что был их участником. С моим папой договорились, чтобы он представил меня в качестве душевнобольного. Делегация решила, что дон Хуан легко меня излечит и, успокоившись, вер-

нётся с дикого берега к семье. Это была хорошая, человеческая задумка. Мне сказали, как в общем-то ведёт себя душевнобольной. И я репетировал несколько дней. Когда я показал всё, чему научился, делегация смутилась. Они засомневались, так я сейчас думаю, возьмётся ли дон Хуан Андусе за такой трудный случай.

И всё же на день Независимости, украшенные трёхцветными флагами, мы отправились в путь. До дикого берега пятнадцать километров, такова ширина нашего острова, и далее три километра до утёса, на котором дон Хуан построил лечебницу.

В доме было очень тихо. Только слышался прибой. Каждая из ста коек примята. Наверное, дон Хуан лежал на них поочерёдно. А гамак его лишь покачивался на ветру. Под ним на глинобитном полу белела горстка пляжного песка, будто кто вытряхнул сандалии.

Это было всё, что осталось от донна Хуана Андусе. Я тогда сразу понял. Все наши уходили из этой жизни приблизительно так. Или немного иначе.

Губернатор дон Хоакин набил свою курительную трубку белым прахом, чтобы передать вдове – донье Фермине.

Как мне было не запомнить тот день Независимости?! Сто заправленных, но примятых коек. Тишина и фыркание прибоя. И белый прах под гамаком и как губернатор набивал им курительную трубку. Я стал на самом деле как душевнобольной. Обратной дорогой меня несли, завернув в трёхцветный

флаг, будто павшего в битве.

Лет через пять ураган Херардо снёс крышу с лечебницы дона Хуана Андусе и поломал деревянные жалюзи в окнах. Дом пустует, но как-то всё держится на утёсе. А донья Фермина, говорят, ни разу там не побывала. Теперь я не уверен, что там, на диком берегу, произошло. Правильно ли я всё видел и понимал? – так я сейчас думаю. Ну, как умру, узнаю правду и успокоюсь. Мой папа говорил: «Всё тайное становится явным на том свете. А если бы мы всё узнавали на этом, чем бы занимались на том? Скучали». Эти слова тоже есть на одной из скамеек в нашем парке.

Дон Томас Фернандо Диас приподнялся в гамаке, чтобы лучше видеть, как выплывает солнце. Странно, как медленно восходит и как быстро заходит. Дон Томас думал об этом раз в году. Солнце было таким же, как двадцать, тридцать, пятьдесят лет назад – разве что менее ярким.

Дон Томас Фернандо Диас догадывался – если встретит солнце на диком берегу острова Чаак, значит впереди ещё одна весна, когда распускаются хаккаранды, колорины и фрамбуэи, ещё летний сезон дождей с рюмкой текилы, ещё одна осень, когда вызревает морской виноград и бродят неподалёку ураганы, и зима, конечно, когда почти нет москитов и кокосы глухо падают в прибрежный песок, вздымая белые облачка праха. Хорошо пожить, где придётся.

Алуши

По воскресеньям большинство наших на пляже. Он так и называется Доминго, то есть воскресенье. Есть и другие. Лунес, Мартес – понедельник, вторник – и так далее. И по месяцам – Энеро, Фебреро... На острове Чаак триста шестьдесят шесть пляжей с названиями. Да ещё безымянные на диком берегу.

Но по воскресеньям наши на Доминго. Он как раз напротив военной авиабазы. Поэтому даже команданте-генерал Кастро с женой и дочкой – красавицами – приходят на пляж. Генерал Кастро, конечно, не Фидель. Марио Кастро. Но тоже

симпатичный. Всю неделю в небе, на авионе, а по воскресеньям – в море.

Все наши заходят в воду, примерно по грудь, и стоят много часов, до полного мрака. Думают и разговаривают. У нас не принято плавать. Плавают, волнуя море, и ныряют туристы. А наши стоят, как прибрежные камни, как соляные куклы, впитывая и растворяясь. Бывает, что без остатка.

У всех наших широкие плечи с увесистой головой. По грудь в воде они кажутся гигантами. Но когда выползают за пивом, которое хранится в холодильных сундучках под пальмами, заметна укороченность нижней половины. Как и всё в природе, это не случайно – спасает от ураганных ветров. Длинноногих разом бы подхватило-унесло. А наши устойчивы, как рыболовные баркасы.

– Он всю жизнь боялся авионов, – сказал дон Томас Фернандо Диас, глядя на тонущее солнце-доминго. – Мауро Клементе Ангуло – родоначальник электричества на острове Чак. Так и случилось – он погиб во время бомбёжки! Какова, скажите, судьба! Я говорю о том самом доне Мауро, кузене доньи Фермины – вдовы нашего первого медика дона Хуана Андусе. Дон Мауро страдал от любви к донье Фермине, покуда был жив её муж. Лучше сказать, он светился и пламенел любовью – в то время от него можно было ожидать любых безумных поступков. Люсьернаго, мой светлячок, – так называл он донью Фермину.

Да, на острове было светлячков, что звёзд на небе! А ино-

гда и больше. По ночам они освещали все дороги и закоулки. Я удивлялся, зачем они это делают. Не оставалось тёмного уголка, чтобы укрыться с девчонкой. Только присядешь на скамейку под миндальным деревом или сейбой, как возникают ниоткуда один, два, сотни люсьернаго. И всё, как днём, – читай медные дощечки со словами наших достойных людей.

Люсьернаго трепетали, моргали, вроде манили куда-то. Их свет прохладный и неземной. Они кружили голову и отвлекали от простых любовных желаний, так я сейчас думаю.

В общем-то, они хозяйничали на острове, как хотели, и отключить их было невозможно.

Вот тогда дон Мауро Клементе Ангуло, сильно страдавший от любви, совершил внезапный поступок. Он установил электрическую машину – там, где сейчас отель «Эль пирата», тут была его собственность. Электрическая машина весила не менее семи тонн. Её доставили на пароходе, который поддерживали три плота. Она давала такой чудесный свет, тёплый и управляемый. Представьте, первый раз, когда этот свет возник на острове! Я жил рядом с электроплантой – как это было хорошо! Я перелезал через забор, чтобы видеть этот феномен, этот новый свет. Тут находился родник, из которого свет вытекал.

Необходимо было четверо, а то и пятеро мужчин, чтобы завести электродвижок, это я помню. Но сначала его разогревали дровами или углём, бросали в топку. Отсюда и шла

энергия.

Была у нас на острове одна хитроумная персона по кличке Большевик – дон Альфредо Гонсалес, единственный, который знал все тонкости электрической машины, неустанно следил за её работой. Он протянул провода по всему городу. Так на острове Чаак благодаря дону Мауро Клемента Ангуло появилось настоящее электричество. Каждое утро и целые дни мы чувствовали, как увеличивается счастье, потому что ожидали вечернего света.

Основав электростанцию, дон Мауро взял в жёны донью Фермину, уже ставшую к тому времени вдовой. Кроме семи дочерей от первого брака, у них родились пять сыновей и ещё две девочки. Их дом сиял, как полная луна. От электричества и любви, так я сейчас думаю.

Но были из наших и такие, кому не нравился новый свет. Например, сеньор Синфо, человек старых, доэлектрических взглядов. Он даже разбил уличный фонарь. Этого никто не видел, но все думали, что больше некому.

Затем сеньор Синфо выжег участок сельвы в три гектара на юге острова и построил ранчо. Наши говорили, что он разводит там люсьернаго – в пику электростанции. Лучше сказать, это было недоразумение. Сеньор Синфо имел четырёх детей, двух мальчиком и двух девочек, которых назвал так – Люсерна, Люсидез, Люсиферо и Люсифуго.

Однако были-таки очевидцы, видевшие громадных люсьернаго. Они уверяли, что это новая порода, выведенная

сеньором Синфо. Бледные, полупрозрачные появлялись люсьернаго из сельвы. Не только порхали, но в основном ходили, прохладно посвечивая и принимая человеческий облик.

Второго ноября, в день Мёртвых, я сам видел, шлялись по всему городу. Не стесняясь, заходили в ресторанчики, светясь, как торшеры, вполнакала. Вреда от них не было, но было смущение.

Чтобы прекратить это, наш губернатор дон Хоакин вызвал сеньора Синфо на разговор. Но вот что отвечал сеньор Синфо. Он заявил, что не имеет к этому малейшего отношения. И добавил, что индейские предания рассказывают о таких бледных существах, которых звать Алуши. И скорее всего новая электростанция каким-то образом возродила эту старинную форму жизни. «Заметьте, – сказал тогда сеньор Синфо. – Их так и тянет в центр, к электропланте! А на моём ранчо спокойно, если не считать двух мальчиком и двух девочек».

Какие мысли появились в голове нашего губернатора дона Хоакина, просто не знаю, мне трудно представить. Может быть, так я сейчас думаю, была установка не трогать индейские предания. Такая могла быть политика в то время. Словом, Алуши эти бродили, где вздумается, а больше и правда вокруг электропланты.

Прошла неделя после дня Мёртвых, когда в электрической машине что-то испортилось. Лучше сказать, сломалась одна деталь, из главных. Так объяснил Большевик, Альфре-

до Гонсалес.

Дон Мауро Клемента Ангуло имел, конечно, корабль, который назвал именем своей матери Беатриз Марфиль. То есть Беатриз Марфиль была мамой этого сеньора, а её имя красовалось на борту корабля. И вот этот корабль по имени «Беатриз Марфиль» дон Мауро срочно отправил за главной деталью в порт Кампече, что по другую сторону полуострова Юкатан. Но мама очень возражала. Она была против отправки, потому что у неё были уже предчувствия, так я сейчас думаю.

В порту Кампече возникли сразу какие-то сложности и задержки. Дон Мауро получил известие, что должен ехать. Срочную телеграмму, чтобы приехать в Кампече и разобраться. Но какое было сообщение в те времена? Это не один день, а неделя пути. Или больше, если вспомнить о течениях и ветрах. И вот дон Мауро пошёл поклониться команданте-генералу Марио Кастро, который уже тогда был во главе наших воздушных сил. И команданте ответил: «Дон Мауро, я к вашим услугам! У меня под рукой один бомбардировщик с пилотом. Он немедленно доставит вас на Юкатан, а дальше вы легко доберётесь по дороге до Кампече».

Быстро приготовил свой чемодан дон Мауро и с ним же отправился, ни с кем не простившись, поскольку все его мысли были, вероятно, об электропланте. Он не обнял жену свою донью Фермину и своих детей. Не сказал ни слова своей маме Беатриз Марфиль, которая смогла бы удержать его от без-

рассудства, так я сейчас думаю. Он погрузился в бомбардировщик, увлекаемый долгом и судьбой. Только так я могу объяснить этот поступок.

О, я ещё ребёнком восхищался этим человеком – доном Мауро Клемента Ангуло! Особенно меня восхищала его кожа. Дон Мауро брился по три-четыре раза на дню. И я, будучи его соседом, всегда подглядывал в дырочку, как он брился. И я созерцал этого достойного человека, который брился в течение всего дня. Тонкий, изысканный человек, дон Мауро был папой в частности сеньориты Ампаро, моей будущей тогда жены, что в мире уже покоится.

В тот день под вечер дон Мауро залез со своим чемоданом в бомбардировщик. Имел ли он волнение и беспокойное сердце, как бывает перед несчастьем, не знаю, не могу сказать.

А был в ту пору сговор между странами, что любой корабль, проходящий в Карибском море, должен предъявлять свои номера и флаги. Лучше сказать, отчитываться, потому что шла мировая война. Первая или, возможно, вторая, не знаю. В общем, годы сорок пятые, сорок седьмые.

Бомбардировщик, в котором сидел дон Мауро, поднялся очень высоко – неизвестно, по какой причине. Уже стемнело, они подлетали к Юкатану, когда заметили внизу корабль, который, опасаясь войны, шёл без огней. Пилот, как говорят, спикировал, чтобы вблизи рассмотреть номера и принадлежность корабля. Авион промчался над самой палубой.

Мне хочется думать, что в последние секунды дон Мауро увидел имя своей мамы на борту корабля, возвращавшегося с нужной деталью из порта Кампече. У него отлегло от сердца ещё до того, как бомбардировщик врезался в море, и от удара взорвались бомбы.

Так умер дон Мауро Клементе Ангуло, впервые погрузившись в авион. Всю жизнь он испытывал перед ними настоящий страх. Но в заботе об электричестве дон Мауро позабыл обо всём на свете.

Для всех наших это была тяжёлая весть. Остров Чаак покрыла на время какая-то необычная тьма. Такого раньше не бывало. Молчала электропланта. Попрятались, как нарочно, люсьернаго. Наступило новолуние, и звёзды укатились за горизонт. Только Алуши, выглядывая из сельвы, давали немного призрачного света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.